

ЧТО ДВИЖЕТ НАМИ, когда спустя годы мы снова и снова обращаемся к образу и жизненному пути своих учителей?.. Благодарность, в первую очередь, — за их щедрость. А ещё нам очень нужен их совет в это непростое, обманное время. Они точно что-то такое знали, понимали больше, чем мы, раз смогли построить великую страну, "любить её светлые воды, и тёмные воды любить" (В. Соколов), находили в себе силы отвечать вызовам своего времени, проходили между Сциллой и Харибдой политической системы, не красть, не завидовать чужому, не лгать до последнего часа жизни, даже когда ложь захлестнула общество и дикий капитализм перемалывает всё, что было создано народом, — светлое и высокое.

В июле нынешнего года исполнилось бы 85 лет поэту, драматургу, редактору и издателю Анатолию Парпару (1940–2020). А в ноябре — уже пятилетие его памяти.

В его роду по отцовской линии — потомки гетманов Запорожской Сечи, по материнской — крестьяне Смоленской губернии. Его детство, как сам он позже напишет, "кровь и пожары Смоленской земли", где в оккупированном фашистами Угранском районе каратели за помощь генералу Белову сожгли деревню, полупотрагодовавший Анатолий с матерью чудом спаслись, а позже были ранены одной пулей.

В 1970-е в поэме "Незабываемое" Анатолий Парпара напишет:

*Перевожу поэтов Палестины
И чувствую бессилие своё,*

ПОСТИЖЕНИЕ РОДИНЫ

Вспоминая Анатолия Парпару

*Чтоб воссоздать бейрутские картины:
Разруху, мор, на трупах вороньё...*

*Сажусь писать, но предо мной маячит,
Блукнот вполне реально заслоня,
Уставший плакать
обождённый мальчик,
Похожий детством горьким на меня.*

Самое сильное чувство, которое жило в этом человеке и давало ему силы совершить "долг, завещанный от Бога" — это жизнелюбие и миролюбие, дорожку цену которым он узнал в первые годы жизни.

Окончив среднюю школу в Москве, Анатолий Парпара вместе с родителями работал на заводе им. М.В. Хруничева (ныне АО "Государственный космический научно-производственный центр им. М.В. Хруничева"). В 1959–1963 годах служил на Балтийском флоте, а в 1988-м закончил годичные Высшие офицерские курсы "Выстрел". Всю жизнь с гордостью носил звание капитан-лейтенанта запаса и старенькую телняшку, видневшуюся в ворота рубашки.

В 17 лет — первая публикация в многотиражной газете "Всё для Родины" завода им. М.В. Хруничева, затем — во флотских изданиях "На вахте" (Таллин), "Страж Балтики" (Калининград), в газетах "Молодёжь Эстонии", "Советская Эстония". С 1970-х годов стихи, в том числе о творчестве Михаила Пришвина, и подборки стихов А. Парпары выходят в журналах "Москва", "Огонёк", "Октябрь", "Молодая гвардия", "Смена".

Что это была за страна, которую создал народ-победитель, страна, в которой сын рабочего и крестьянки проходит такой путь! Матрос на Балтийском флоте, затем студент-заочник факультета журналистики МГУ и меэстростроевец, начинающий поэт, а вскоре — руководитель литературного объединения им. А. Недогонова.

Первая поэтическая подборка Анатолия Парпары "Ладомирка" вышла в 1972 году с предисловием В.Д. Цыбина в сборнике "Перекрёстки", тогда же вышел и его первый самостоятельный сборник "Первый перевал".

В последующих поэтических книгах Анатолия Парпары "И жизнь права", "По-

стижение пространства" (1972) — размышление о судьбе русского народа, о национальном характере и, главное, понимание собственного предназначения ("Равнинные люди", "Раздумья о Родине", "Имя Отчизны даётся с рождения").

Так в 36 лет молодой человек размышлял в стихотворении "Некрасов в Париже в 1857 году":

*...Все заботы родимого края
На себя принимает, как честь.
Через сердце своё пропускаю
Всё, что было в веках, что есть.*

*Пусть не станет бескровной фразой
Этот выход души моей:
— Я с простором отеческим связан
Корневою системой всей.*

*И когда в чуждале безкрылье
Вдору наступнет, и я не взычу,
— Я хочу умереть в России, —
По-некрасовски прошепчу.*

А посмотрите, какая география в поэтических подборках: "У дальней сопки Кунашира", "На Шикотане", "Кричали чайки над Полярным", "Ход горбуши на Сахалине", "Прощание с Кавказом", "Осень в Измаиле", "Стихи о Чехии", "Балканская весна", и родное — среднерусское — "На Волге", "Калужские сине дали"...

Анатолий Парпара мог приехать в любую точку Советского Союза на литературное мероприятие, его везде знали, он мог прочитать чьи-то стихи, прозу, отличить хорошее от пло-

С 1975 по 1990 год Анатолий Парпара был заведующим отделом поэзии и членом редколлегии журнала "Москва". Именно его упорством и умением отстаивать правду были опубликованы в "Москве" не проходившие тогда в других журналах поэмы Василия Фёдорова "Женитьба Дон-Жуана", Юрия Кузнецова "Золотая гора", Владимира Соколова "Сюжет".

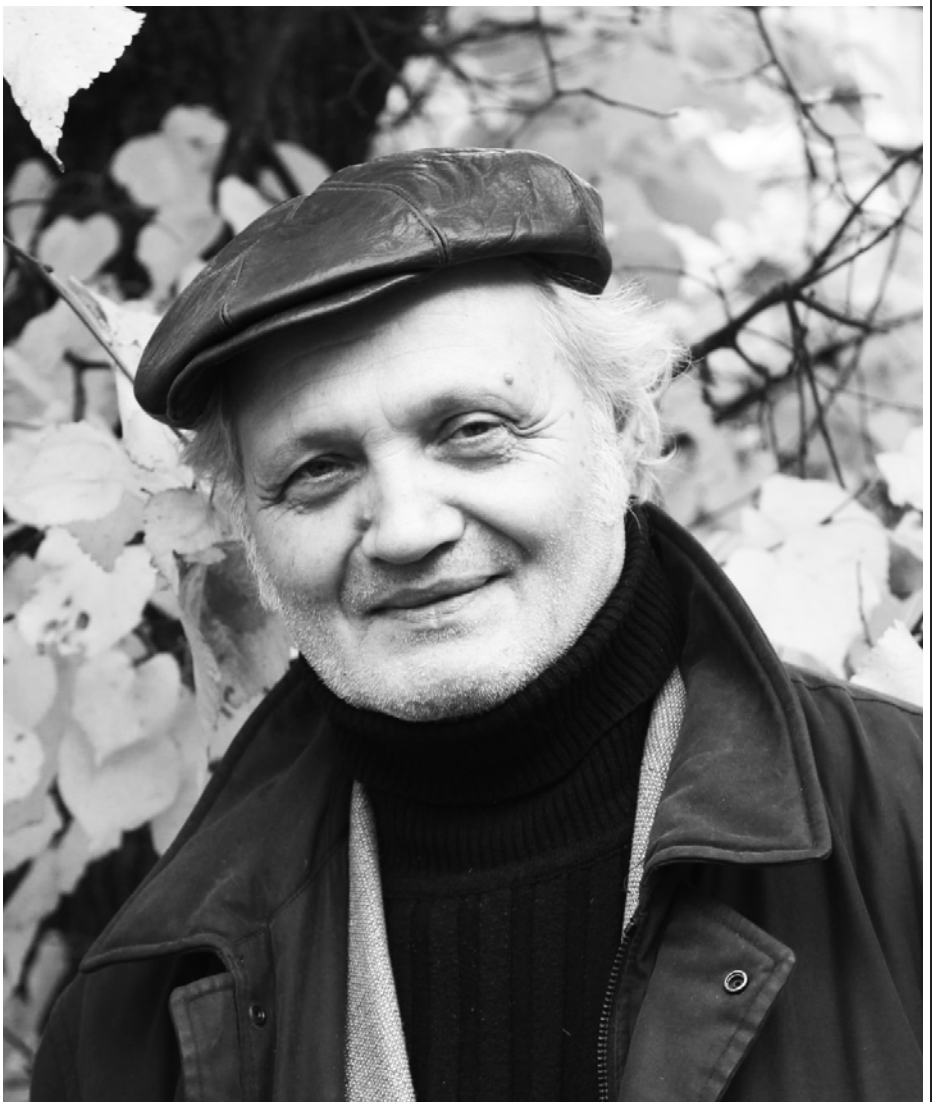
А СТРАНА УЖЕ летела к своему трагическому распаду. В январе 1991-го в интервью газете "Молодёжь Бурятии" Анатолий Парпара сказал: "То, что происходит сейчас в стране, это, видимо, следствие безначалия. Происходит смута, когда ослабляется державная рука правительства... Главное — должна быть национальная программа". А вот слова из другого выступления: "Горькая она и доблестная, с трагической безысходностью и высокими взлётами духа, с омутами смут и заревами, просторами народных глупований. Это моя история. Я кровно причастен к ней. И эта причастность дала мне моральное право заняться изучением её".

Анатолий Парпара, пережив тяжелейшие операции (в 1990 году лечащий врач сказал ему, что проживёт он от силы три месяца), в 1993 году основал Международный фонд им. М.Ю. Лермонтова, который провёл в Пятигорске и Железноводске два масштабных литературных фестиваля с участием гостей из Германии и Китая, а в 1996-м начал издавать "Историческую газету" (выходила до 2008 г.), как бы соединяя эпохи, примиряя общество, намеренно разделённое недруга-

ми России на белых и красных. Это был его способ сопротивления распаду. Вспоминая слова Анатолия Анатольевича: "Пошло уже не моё время, а Божье".

В те годы газета собрала, объединила на своих страницах историков, филологов, писателей, потомков именитых людей, с любовью писавших о минувшем и настоящем нашего Отечества, возвращая людям веру в себя и свою страну. Свидетельствую об этом, так как в те годы я принимала участие в подгтовке номеров газеты в качестве корреспондента, ведущей рубрики книжных новинок, а позже — ответственного секретаря и члена редколлегии. Для меня непостижимо, как он преодолевал физическую немощь, ночами вычитывал газету, а с утра ехал в редакцию, принимал авторов, читателей, вечером порой мы ещё ехали на какие-то творческие встречи. Подчас у нас не было денег на такси, и мы на метро и в трамвае развозили пачки газет в книжные магазины, а Анатолий Анатольевич уже думал, на какие средства выпустить следующий номер, ведь у нас оформлена подписка на полгода. Многое удалось нам сделать и в последнее десятилетие жизни моего учителя. В 2014 году к 200-летию М.Ю. Лермонтова мы выпустили сборник одного стихотворения "Выхожу один я на дорогу" на сорока языках мира и организовали презентации во многих городах страны, школьники читали стихотворения на своих национальных, а также на европейских языках.

А ведь была ещё медаль М.Ю. Лермонтова, учреждённая фондом, которая вручалась за переводы, пропаганду творчества поэта, за содействие в организации лермонтовских праздников на Кавказе. За четверть века медалью были награждены выдающийся художник Фёдор Константинов (за иллюстрации к произведениям Лермонтова), поэты Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Хасан Тхагезлов, Омар Султанов, Георгий Сталев (Македония) — за переводы Лермонтова на родные языки, Владимир Соколов, Анатолий Пшеничный, лермонтоведы Александр Мосинцев и Николай Маркелов (Пятигорск), редактор, издатель Вадим Рахманов. В 2018 году черногорский поэт Ранко Радович получал медаль за перевод на сербский язык стихотворения "Выхожу один я на дорогу".

В 2023 году вручать эту награду пришлось мне уже без Анатолия Анатольевича, выполняя его просьбу.

За годы своего существования фондом, работавшим на пожертвования друзей Анатолия Парпары и на его личные средства, добываемые тяжёлым подённым, неблагодарным редакторским трудом, было проведено более 150 вечеров в России, на Украине, в Сербии и Македонии, посвящённых творчеству русских поэтов: от Лермонтова и Пушкина, Есенина и Блока до ныне живущих литераторов. В книжном издательстве фонда вышло несколько десятков поэтических сборников, книг по истории и искусству, а также серия "Поэзия славян" в переводе на русский язык. И это уже после распада страны, в видимой нами реальности, когда профессии писателя не существует и подлинная литература заменяется чем-то иным, далеко отстоящим от культуры в принципе (разве кого удивили ныне романами, написанными матом, или тем, что лидеры молодёжи — рэперы). Именно в это время Анатолий Парпара помогал многим молодым и давно состоявшимся литераторам, ездил по стране и проводил литературные вечера. Как бы мне хотелось написать отдельно о том, скольким людям он помог! Неслучайно на его кончину пять лет назад отозвались люди со всех концов страны.

"В нашей памяти он навсегда — фанатичный слуга и воитель русской литературы, русской поэзии, парадоксально, объёмно думающий интелектуал, всегда с лёгкой насмешкой, под которой прятал ранимую душу", — написал Василий Дворцов. "Хочу добавить, что он стоял у истоков кафедры журналистики во МГУКИ... Деятели! А ещё вспоминаю, сколько мы с ним встречались на совещаниях молодых — он был замечательным наставником, потому что имел широкую и светлую Душу!", — отозвался Александр Бобров. "А.А. Парпара был не чужим человеком для Якутии. Бывал у нас не один раз, дружил с нашим народным поэтом Семёном Даниловым, переводил не только его поэзию, но и многих якутских поэтов, в том числе и мои стихи... Якутия скорбит...". — написала Наталья Харлампьева.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте завтра.ру

Ирина УШАКОВА

НЕЗАБВЕННЫЙ император Николай I утверждал, что видит свой долг в недопущении в Россию опасных революционных веений, а подразумевал он конкретно французские пентурбации, которые ужасали, пугали, злили нашего государя. Действительно, Францию в XIX веке беспрестанно трясло — то Наполеон с его "дранг нах остен", то разнообразные смены режимов.

После падения Бонапарта произошла реставрация Бурбонов, и на трон вернулись потомки Генриха IV. Потом — Июльская монархия при Луи-Филиппе I из Орлеанского дома, следом — Вторая республика, установившаяся после очередной революции и бегства Луи-Филиппа, но в конечном итоге в Париже воцарился Наполеон III. Всё это и наблюдала Европа, а Николай I зорко следил за событиями, происходящими в той стране, откуда, говоря словами одного из героев Александра Грибоедова "...моды к нам, и авторы, и музы".

Несмотря на бесчисленные перестановки и социальные эксперименты, Франция оставалась диктатором моды, причём не только в выборе фасонов, но также в области идей, книг. Страна динамично развивалась: создавались предприятия, строились фешие-небельные магазины, продававшие предметы шика,

Рисунок Эжена Лами. 1839 г.

буржуазия выходила на первый план, тесня хилых аристократов, множилась литература — серьёзная и бульварная. Достаточно назвать три имени — Стендаль (настоящее имя Мари-Анри Бейль), Оноре де Бальзак, Виктор Гюго, — дабы понять, как далеко шагнула Франция.

Тогда создавался современный французский язык и выковывалось понятие "нация". В Академии изящных искусств (Académie des Beaux-Arts) преподавали лучшие менторы, и туда ехали учиться со всей Европы. Такой филигранной техники рисунка и живописи не было даже в Италии, на родине всех тогдашних муз. Чтобы это понять, следует посетить выставку французского ри-

сунка первой половины XIX века, что происходит сейчас в Государственном Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Представлены работы как знаменитых мастеров — Жана-Огюста-Доминика Энгра, Эжена Делакруа, Ораса Верне, так и вещи малоизвестных авторов, что позволяет значительно расширить наше понимание Франции. Экспозиция разделена не по датам, но по тематическим разделам: тут и городские типы, и культурно-общественная жизнь, и портреты. Больше того, все эти рисунки не просто показывают чудеса "почерка", но и отражают исторические процессы.

Рисунок Жана Мари Делакперша "Пять чувств" (1821) говорит нам о том, что в XIX столетии начала активизи-

всё предстаёт с этим романтическим флёром, со сглаженными углами. Вместе с тем, шло осознание исторического значения революционной вехи. Событие, всколыхнувшее весь мир, не могло пройти бесследно: с одной стороны, то было величайшее разрушение, с другой — обновление. Безусловно, никто не эстетизировал казни, однако, всем хотелось рассматривать насыщенные страницы коллективной биографии. "Камилль Демулен в Пале-Рояле" (1850) Оноре Домье — это ярость, злость, порыв. Адвокат и журналист Демулен явился инициатором похода на Бастилию. Тут, собственно, изображён именно этот момент. 12 июля 1789 года, когда известие об отставке Жака Неккера вызвало волнение в Париже, трибун и зачинщик Демулен обратился в Пале-Рояле

КАРЕТУ К ПОДЪЕЗДУ!

Выставка французского рисунка XIX века в Пушкинском музее

к толпе, призывая её к оружию. Его биография коротка. В период террора Демулен был гильотинирован, как и прочие сыновья Революции.

НЕМАЛОЕ МЕСТО на выставке отведено пересмыслению личности Наполеона. Так, после 1815-го и до 1830-х годов об этом человеке и заговаривать-то опасались: он считался Антихристом и врагом рода человеческого, тираном, извергом и узурпатором. За бонапартизм француз мог заплатить свободой. Потом страсти улеглись и — поспелось восхваление.

На выставке можно увидеть прижизненные изображения Наполеона: к примеру, рисунок Тома-Шарля Ноде (1807), воссоздающий встречу двух императоров в Тильзите, или работу Пьера Мартине "Наполеон на поле битвы" (нач. 1810-х). Далее — работы 1840–1850-х годов, где мы видим овевяную легендами фигуру императора, например, на рисунке Огюста Раффе "Наполеон награждает гренадера" (ок. 1830 г.). К тому времени Бонапарт стал восприниматься как "народный монарх", любящий свою армию и ценящий простого солдата.

В 1830–1840-х годах началось повальное увлечение XVII веком, эрой кардинала Ришелье, маршала Тюренна и "короля-солнца" Людовика. Тогда же увидели свет романы Александра Дюма о мушкетёрах. Искать историчность в тех легкомысленных, в общем-то, вещах, не стоит. Сам Дюма утверждал, что история — это лишь гвоздь, на который он вешает свою картину. Читатели погружались в приключения, расписанные талантливым халтурщиком (sic!), и влюблялись в Д'Артаньяна. Заодно — узнавали забытые имена. Вот рисунок Эмиля Ватье "Великий Конде" (1840). Талантливейший полководец, начавший военную карьеру в возрасте семнадцати лет, принц Конде считался одним из ближайших претендентов на французский престол, слыл "золотым сердцем" Фронды, когда аристократия взбунтовалась против кардинала Мазарини и малолетнего короля, но был прощён и вернулся ко двору. Хитрый, ловкий, безнравственный, уважающий лишь силу, но, тем не менее, великодушный. Таков он и на этом рисунке: молодец со шлагой, зовущий войска к бою.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте завтра.ру

Галина ИВАНКИНА

Помимо этого, начали выходить серьёзные монографии о знаковых личностях, например, о Жане Батисте Мольере. Вот иллюстрация Жака Огюста Доминика Энгра (1843), где драматург изображён в момент творческого вдохновения. Мольер был сложным человеком: смельчак и при этом сервильный раб своего господина Людовика XIV, распутник и моралист, насмешник над святошами и — добрый католик. О нём забыли почти на два столетия, и вспомнили в XIX веке — принялись активно ставить во всех театрах Европы. Он оказался современен и свеж!

С 1850-х возник феномен Галантного века. Собственно, этот термин ввели братья Эдмон и Жюль Гонкуры в одном из своих творений. XVIII век или Старый режим (Ancien Régime) стал ассоциироваться не с тяготами и отсутствием свобод, а с игровостью, шармом и утичностью. Дореволюционный мир теперь воспринимался как парадиз, где не существовало никаких проблем. Имеется и социологическая подоплёка этой темы. К 1850-м произошло окончательное закрепление буржуазии в качестве правящего класса, тогда как дворянство ушло на задний план. Причина тому — деньги. У кого капиталы, тот и рулит. Буржуазные вкусы казались грубыми и простецкими, потому и возникла ностальгия по золотому веку аристократии с её утончённостью. Наполеон III и его жена Евгения Монтихо устраивали карнавалы а-ля Версаль XVIII столетия, а саму Евгению называли "второй Марией-Антуанеттой". К счастью, она закончила свои дни куда как более мирно.

На этом фоне возник стиль "второе" рококо: тогда шло копирование изысков и рокайлей прошедшего столетия. Вот рисунок Эмиля Ватье "Галантная сцена у фонтана" (1850-е) — кавалер читает дамам некую книгу, вероятнее всего, стихи. Позы фигурантов изыщны, оденяия пышны, окружающая природа идеальна. Ватье подражает художникам XVIII века — тому же Оноре Фрагонару с его эталонно-розовыми девами в фишках. Рядом — работа Эмиля Перрена "Воспитание Людовика XV" (ок. 1850). Этот король, в общем-то ничего не сделавший для Франции, стал одним из любимых героев Второго рококо. Его эпоха, точнее эра фавориток, привлекала своей видимой лёгкостью. Ах, как благодарили розы, коих ныне не сыщешь!

ВАЖНАЯ ТЕМА современности — международные экспозиции, где с помпой демонстрировались новинки науки и техники, моды и стилия, печатной продукции и образа жизни. Прекрасен рисунок Эжена Лами "Русский павильон на Всемирной выставке 1851 года в Лондоне" (1851). Толпа нарядных дам и кавалеров разглядывает вазы из малахита, светильники, богатую посуду. К слову, русские павильоны всегда пользовались успехом, ибо Россия привозила настоящие чудеса, каковых не встречалось даже в пресыщенном Париже и передовом Лондоне.

Явлены бытовые сценки: публичные маскарады, балаганы и уличные театрики, торговля, выезд экипажа, обеды и ужины. Пёстрый калейдоскоп, где забавное сплетается с печальным, а богатство — с нищетой. "Город контрастов, средоточие грязи, помета и дивных вещей, подлинных достоинств и посредственности, богатства и нищеты, шарлатанства и таланта, роскоши и нужды, добродетелей и пороков, нравственности и развращённости", — сказал о Париже тонкий бытописатель Оноре де Бальзак, и посетитель выставки сможет узреть сие воочию. Это — своеобразное окно в старый Париж.